
Ты увидел меня раньше, чем я тебя. В аэропорту, в тот августовский день, у тебя был такой взгляд, будто ты чего-то ждал, и ждал уже давно. Никто и никогда прежде не смотрел на меня так внимательно. Это встревожило и, наверное, одновременно удивило. Льдисто-голубые глаза следили за мной так пристально, будто я могла их согреть. Знаешь, в них ведь немало силы, в этих глазах. Как и красоты.

Ты часто заморгал, встретившись со мной взглядом, и отвернулся, словно занервничал... словно тебе стало неловко, что ты секунду назад пялился на случайную девочку в аэропорту. Но нет, совсем не случайную, правда? А сыграно было неплохо. Я купилась. Забавно: всегда считала, что голубым глазам можно верить. Думала, их обладатели как-то надежнее, что ли. Все хорошие парни как один голубоглазы. А темные глаза — это для злодеев... Мрачного Жнеца, Джокера, зомби. Сплошь тьма.

С родителями я поссорилась. Мама завелась из-за моего откровенного топика, папа просто не выспался, и его всё раздражало. Так что, когда я увидела тебя — решила: отличное выйдет развлечение. На это ты и рассчитывал, да? Ждал только, пока родители достанут меня, чтобы подкатить? До того как ты подошел, я уже знала, что ты за мной следишь. Я видела тебя раньше... где-то... не могла вспомнить.

Вроде я заметила тебя еще в Лондоне, ты постоянно мелькал где-нибудь поблизости. То в очереди на регистрацию, с этой твоей маленькой сумкой — ручной кладью. То в самолете. И вот теперь — здесь, в аэропорту Бангкока, ты сидел в кофейне, где я ждала заказ.

Пока кофе готовился, я возилась с деньгами. Я не обращалась, но знала: ты следишь за мной. Наверное, бредово прозвучит, но я просто чувствовала это, вот и всё. Волоски на затылке вставали дыбом всякий раз, когда ты моргал.

Придерживая стакан с кофе, кассир ждал, когда я отыщу деньги. На бейджике было написано «Кенни»; странно, что это мне запомнилось.

— Мы не принимаем британские монеты, — сказал Кенни, дождавшись, когда я отсчитаю нужную сумму. — Купюры у вас не найдется?

— В Лондоне потратила.

Кенни покачал головой и придвинул кофе к себе:

— Рядом с дьюти-фри есть банкомат.

Кто-то встал у меня за спиной, я обернулась.

— Давай я заплачу, — сказал ты. Голос звучал негромко и мягко, акцент был незнакомым. От твоей рубашки с короткими рукавами пахло эвкалиптом, на щеке виднелся шрамик. Ты смотрел так пристально, что я растерялась.

Купюру ты держал наготове. Иностранные деньги. Улыбался мне. Кажется, я тебя не поблагодарила. За это извини. Ты забрал у Кенни кофе. Стенки бумажного стаканчика немного смялись под твоими пальцами.

— Сахар? Один пакетик?

Я кивнула, смущенная тем, что ты рядом — говоришь со мной. Ну, ты понимаешь.

— Не беспокойся, я сам, — произнес ты и указал туда, где только что сидел. На столик между двумя искусственными пальмами, у окна.

Я мялась: идти или нет. Но ты легонько коснулся моей спины — даже сквозь ткань топики я почувствовала, какая рука горячая.

— Да ладно, всё норм, я не кусаюсь, — мягко произнес ты. — Других мест всё равно нет — если, конечно, не хочешь сесть вон там, с семейкой Аддамс.

Я оглянула пустые места по соседству с большим семейством. Двое младших детей ползали по столу, родители собачились возле них. Интересно, вот если бы я тогда села с ними? Мы, наверное, поболтали бы о детских каникулах и молочных коктейлях с клубникой. А потом я вернулась бы к родителям. Я снова посмотрела на тебя, улыбка обозначила морщинки вокруг губ. В густой голубизне твоих глаз таились секреты. Их хотелось разгадать.

— Я только что сбежала от своих родителей, — сказала я. — И к другим пока не рвусь.

— Ну и правильно. — Ты подмигнул. — Значит, один сахар.

Ты проводил меня до столика. Присутствие других пассажиров придало мне уверенности. До столика пришлось пройти десять шагов. Я проделала их как в тумане и села лицом к окну. Ты вернулся к стойке за кофе. Оглянувшись, я увидела, как ты ставишь стакан и снимаешь крышечку. Как высыпаешь сахар, наклонив голову, и как от этого движения волосы падают тебе на глаза. Ты улыбнулся, когда заметил, что я наблюдаю. Может, в этот момент всё и случилось?

Кажется, я сразу отвернулась и засмотрелась на самолеты, взлетающие за стеклом. Один реактивный лайнер качнулся, оторвал задние шасси от земли и оставил хвост черного дыма. А в очередь за ним уже пристраивался следующий.

Ловкие у тебя, должно быть, руки, если ты справился так быстро. Интересно, прибегал ли ты к каким-нибудь отвлекающим маневрам, пытался ли скрыть свои действия от посетителей кафе — или всё равно никто не смотрел? Наверное, ты подсыпал в кофе какой-то порошок, совсем немного. Может, он даже выглядел как сахар. И на вкус был сладким.

Я снова обернулась, ты уже шел обратно, легко обходя пассажиров. Ни на одного из них ты даже не взглянул. Смотрел только на меня. Может, поэтому никто тебя не запомнил. Ты двигался как охотник, бесшумно скользя вдоль ряда вазонов с пластиковыми растениями.

Ты поставил на стол два стакана с кофе, один пододвинул ко мне, второй так и остался нетронутым. Взял чайную ложку и небрежно завертел ее в руках — обводил вокруг большого пальца и подхватывал, не давая упасть. Я пыталась разглядеть твое лицо. Ты был красив особой, мужественной красотой и оказался старше, чем я думала. Слишком взрослый, чтобы сидеть там со мной взаправду. Лет двадцать пять, а то и больше. Когда я видела тебя в очереди на регистрацию, мне показалось, что ты тощий и невысокий, как старшеклассники из моей школы, но вблизи, присмотревшись, я заметила, какие у тебя крепкие и загорелые руки и обветренная кожа. Загар был темным, как земля.

— Я Тай, — сообщил ты.

Потом стрельнул глазами по сторонам, снова посмотрел на меня и протянул руку. Теплые шершавые пальцы коснулись тыльной стороны моей ладони. Ты взялся за нее, задержал в руке, но так и не пожал. Ты поднял брови, и только тогда я сообразила, чего же ты ждешь.

— Джемма.

Ты кивнул, будто уже знал мое имя. Вправду ведь знал.

— Где твои родители?

— У гейта, ждут меня. — Вдруг мне стало тревожно, поэтому пришлось добавить: — Я обещала, что быстро вернусь — только сбегая за кофе.

Уголок рта приподнялся, ты усмехнулся.

— Когда вылет?

— Примерно через час.

— А куда?

— Во Вьетнам.

Ты явно был под впечатлением. И я улыбнулась тебе — кажется, впервые.

— Мама вечно куда-нибудь ездит, — добавила я. — Она куратор в музее — это что-то вроде художника, только она не создает предметы искусства, а собирает по всему миру.

Не знаю, почему я сочла нужным объяснить. Наверное, просто по привычке, потому что в школе многие расспрашивали про ее работу.

— А твой отец?

— Он работает в городе — биржевой брокер.

— В офисном костюме, значит.

— Вроде того. По мне так скукота — следить за чужими деньгами, а ему нравится.

Я заметила, что заболталась, и глотнула кофе, чтобы на время заткнуться. И, пока пила, следила, как тонкая струйка пота стекает по твоему лбу. Перегреться ты не мог: мы сидели прямо под кондиционером. Я обратила внимание на то, как нервно ты оглядывался по сторонам. Я думала, ты просто застенчив, поэтому дергаешься. И посчитала это милым. Но было еще что-то в тебе смутно знакомое, что я никак не могла вытащить из своей памяти.

— М-да... — пробормотал ты. — А сама чем хочешь заняться? Устроиться на работу, как отец? Путешествовать, как мама?

Я пожала плечами:

— Это им такое нравится. А я не знаю. Как-то ничего не греет.

— Нет... особого смысла во всем этом?

— Ага, наверное. То есть они же просто что-то собирают: папа — чужие деньги, мама — чужие картины. А что они сделали сами?

Я отвернулась. Не выношу разговоров о работе родителей. Весь перелет из Лондона мы только о ней и говорили: мама без умолку болтала о картинах, которые хотела купить во Вьетнаме. Как раз когда я меньше всего хотела это обсуждать.

Ты снова засмеялся, глядя на меня. Чайная ложка балансировала на твоём большом пальце. А я по-прежнему не могла решить, стоит ли мне быть здесь, рядом с тобой.

Но, знаешь, странное дело: хотелось рассказать тебе обо всем. И я, наверное, так и сделала бы, если бы не перехватило дыхание. Сколько раз потом я мечтала, чтобы на этом все и закончилось — на твоей улыбке и моих нервах, сплетенных в тугой клубок.

Я огляделась по сторонам, проверяя, не ищут ли меня родители, хотя знала: не ищут. Им и вдвоем неплохо, возле выхода на посадку, за чтением журналов, которые они прихватили с собой, чтобы не заскучать. И потом, мама ни за что не отправилась бы искать меня — это выглядело бы как поражение в споре. Она всё еще злилась из-за топики. Но я почему-то озиралась по сторонам. Туча незнакомых лиц, особенно у прилавков с напитками. Люди, всюду люди. Скрежет и жужжание кофемашины. Визг малышей. Запах эвкалипта от клетчатой рубашки. Я отпила кофе.

— Что именно собирает твоя мама? — Негромкий голос снова завладел моим вниманием.

— В основном что-то оригинальное. Изображения зданий. Особые формы. Знаешь Ротко? Марка Ротко?

Ты нахмурился.

— Ну вот, в таком духе. По-моему, довольно претенциозно. И еще все эти бесконечные квадраты... — меня опять понесло.

Я сделала паузу и посмотрела на твою руку. Только тогда заметила, что она лежала поверх моей. Но с какой стати? Помню, подумала: «он что, клеится ко мне?» В школе никто так не делал. Под моим удивленным взглядом ты поспешно отдернул ее.

— Извини. — Ты огорченно пожал плечами, но в глазах почему-то горел огонек.

Я невольно улыбнулась в ответ и подбодрила:

— Наверное... переволновался.

Ты снова положил руку на стол, на этот раз рядом с моей, на расстоянии пары сантиметров. Стоило потянуть мизинцем, и я дотронулась бы до нее. Обручального кольца не было. Никаких других украшений тоже.

— Чем занимаешься? — решила наконец спросить я. — Ты, значит, уже не в школе?

Сказала и поморщилась: мы оба заметили, как по-дурачки это прозвучало. Ты ведь явно старше любого парня, с которым мне случалось болтать. У тебя мелкие морщинки вокруг глаз и рта и тело взрослого мужчины. Да и держишься ты гораздо увереннее неуклюжих мальчишек из моей школы.

Ты вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Можно сказать, что и я занят творчеством, — сказал ты. — Только квадраты не рисую. Путешествую понемногу, работаю в саду... строю. И всё такое.

Я кивнула так, будто тебя поняла. И хотела спросить, что ты делаешь здесь, со мной... и не видела ли я тебя раньше. Хотела узнать, что тебя во мне заинтересовало. Ведь я же не дура, чтобы не заметить, насколько младше тебя. Но не спросила. Наверное, нервничала и ни в коем случае не хотела заставлять тебя изворачиваться. И чувствовала себя такой взрослой, сидя с симпатичным мужчиной в кафе и потягивая кофе, которым он меня угостил. Может, я вовсе и не выгляжу малолеткой, думала я. И хоть из косметики не пользуюсь ничем, кроме блеска для губ, всё равно кажусь старше своих лет. Ты посмотрел в окно, а я тем временем высвободила из-за уха прядь волос. И покусала губы, чтобы они налились кровью и стали ярче.

— Ни разу не бывал во Вьетнаме, — наконец произнес ты.

— Я тоже. В Америку бы лучше съездить.

— Правда? Ты самую, с огромными городами, толпами народу?..

И тут ты остановил взгляд на пряди волос, которая упала мне на лицо. Спустя мгновение ты протянул руку, чтобы заложить ее за ухо, как было прежде. Немного осекся.

— Извини, я... — пробормотал ты и слегка покраснел. И задел мой висок.

Я почувствовала, как шершавы подушечки твоих пальцев. От этого касания ухо вспыхнуло. Твои пальцы скользнули к моему подбородку. Ты придержал его, не сводя с меня

глаз, словно изучал при искусственном свете лампы над моей головой. А ведь *и вправду* изучал... блестящими, как звезды, глазами. Ты почти поймал меня, пригвоздил к этому месту в аэропорту Бангкока, будто я не я, а нечто маленькое, живое, привлеченное светом. Мне даже казалось, что внутри меня трепещут крылья. Шершавые крылья мотылька. Ты легко поймал меня, притянул к себе, точно я уже попала в сеть.

— А не хочешь в Австралию? — спросил ты.

У меня вырвался смешок — ты так серьезно это произнес. И сразу же отдернул руку.

— Конечно, — затаив дыхание, пожала плечами я. — Кому не хочется посмотреть мир?

Ты молча опустил глаза. Я повела головой, еще ощущая твое прикосновение. Мне хотелось, чтобы ты продолжал говорить.

— Ты австралиец?

Твой акцент меня озадачивал: ты говорил совсем не так, как актеры из «Соседей»¹. Временами выговор звучал совсем по-британски. А иногда — так, будто ты родом из неведомой страны. Я ждала, но ты не отвечал. Я дотянулась до твоего плеча и тронула его.

— Тай? — Я словно попробовала твое имя на вкус и отметила, что мне нравится, как оно звучит. — Ну и как там, в Австралии?

Тогда ты улыбнулся, и лицо сразу стало другим. Оно озарилось, словно свет выливался изнутри.

— Узнаешь.

¹ Австралийская мелодрама о жизни обычных людей, живущих в вымышленном пригороде Мельбурна. *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*

Тут-то всё и переменялось. Я замедлилась, а мир вокруг, наоборот, ускорился. Удивительно, на что способна крошечная щепотка порошка.

— Как себя чувствуешь?

Ты смотрел в упор. Я приоткрыла рот, желая ответить, что в порядке, но слова не получались связными. Выходила какая-то невнятная каша, язык отяжелел и стал настолько толстым, что я не могла им пошевелить. Помню, огни ламп превратились в размытые костры. Помню, как поток воздуха из кондиционера охлаждал мне руки. Как смешивались запахи кофе и эвкалипта. Ты крепко взял меня за руку. Схватил. Потащил прочь.

Должно быть, я, неуклюже поднимаясь на ноги, опрокинула стакан с кофе. Позднее я обнаружила у себя на ноге ожог — розовое пятно над левым коленом. Он до сих пор не прошел — немного сморщился, как слоновья кожа.

Ты заторопил меня. Я думала, мы идем к гейту, к родителям. Путь был длинным, гораздо длиннее, чем мне помнилось. Когда ты тащил меня по траволатору, казалось, будто мы летим. Разговаривая с какими-то людьми в форме, ты прижимал меня к себе так, будто я твоя подруга. И я кивала им и улыбалась. Потом ты повел меня вверх по каким-то лестницам. Сначала коленки отказывались сгибаться, и я захихикала. Потом словно превратились в зефир. Воздух ударил меня запахами цветов, сигарет и пива. Где-то рядом были другие люди — тихо говорили, смеялись, повизгивая, как мартышки. Ты протащил меня через какие-то кусты, завел за угол неизвестного здания. У меня в волосах застряла веточка. Видимо, где-то поблизости находилась помойка. До меня долетала вонь гниющих фруктов.

Ты снова притянул меня к себе, заставил запрокинуть голову и что-то сказал. Казался размытым, нечетким, словно плавал в испарениях из мусорных баков. Твои губы шевелились, как гусеницы. Я протянула руку и попыталась поймать

их. Ты сжал мои пальцы. Прикосновение пронзило меня. Ты сказал еще что-то. Я кивнула. Какая-то часть меня всё поняла. И я начала раздеваться. Снимая джинсы, я прислонилась к тебе. Ты протянул мне новую одежду. Длинную юбку. Туфли на высоких каблуках. И отвернулся.

Видимо, я надела всё это. Не знаю как. Потом ты снял рубашку. И прежде чем надел другую, я коснулась твоей спины. Теплой и твердой, темно-коричневой, как древесная кора. Не знаю, о чем я думала и думала ли вообще, но помню, как мне было необходимо дотронуться до тебя. Помню, какой была кожа на ощупь. Странно помнить прикосновения лучше, чем мысли. Но память об этом до сих пор вызывает покалывание в пальцах.

Сменив рубашку, ты надел что-то колючее мне на голову и темное — на глаза. Я стала медлительной. Мой мозг не поспевал за мной. С глухим стуком что-то упало в мусорный бак. Я почувствовала, что губы стали липкими. Губная помада. Ты дал мне шоколадную конфету. Вкусную. Темную. Мягкую. С какой-то жидкой начинкой.

После этого всё окончательно запуталось. Когда я посмотрела вниз, то не увидела собственных ступней. Мы зашагали куда-то, мне казалось, я передвигаюсь на обрубках ног. И запаниковала было, но ты обнял меня одной рукой. Теплой и твердой... надежной. Я закрыла глаза и попыталась рассуждать здраво. Никак не могла вспомнить, где оставила сумку. Не помнила ничего.

Нас окружали люди. Ты втащил меня в толпу, повсюду были размытые лица и мутные краски. Вероятно, ты всё продумал: билет, новый паспорт, наш маршрут, как пройти мимо охраны. Что это было — безупречно спланированное похищение или просто удача? Как у тебя вышло провести меня через аэропорт Бангкока и посадить в другой самолет — чтобы этого не заметил никто, даже я сама?

Ты по-прежнему скармливал мне шоколадки. Этот насыщенный вкус... я постоянно чувствую его во рту. До тебя я обожала шоколад. А теперь даже от запаха воротит. После

третьей конфеты в глазах потемнело. Стало холодно, надо было прижаться к тебе, чтобы согреться. Ты негромко говорил с кем-то обо мне.

— Перебрала с выпивкой, — объяснял ты. — Мы праздновали.

Потом мы втиснулись в туалетную кабинку. Подо мной зашумела вода, вытягивая содержимое унитаза.

А после мы опять шли. Возможно, по другому аэропорту. Снова люди... Запах цветов — сладкий, тропический и свежий, как будто после дождя. Помню, было темно. Ночное время. Но не холодно. Пока ты тащил меня через парковку, я начала приходить в себя. И стала отбиваться. Пыталась закричать, но ты толкнул меня за какой-то грузовик и прижал тряпку ко рту. Мир вновь стал размытым. Я обмякла, завалилась на тебя. Из того, что было дальше, смутно помню рев двигателя. Нескончаемый. И как меня укачало в машине.

Но что я хорошо запомнила, так это пробуждение. И жару. Она словно вцепилась мне в горло, пыталась задушить. Хотела, чтобы я снова провалилась в черноту. А потом накрыла боль... и тошнота.

Хорошо еще, ты не привязал меня к кровати. За это спасибо. В кино жертв всегда привязывают к кровати. Но сдвинуться с места я всё равно не могла. Всякий раз, стоило мне только шевельнуться, начинало мутить, кружилась голова. Я была укрыта тонкой простыней. Но казалось, я лежу посреди ковра. Я открыла глаза. Всё вокруг виделось искаженным, белесым, размытым. Я находилась в какой-то комнате. Стены были из дерева — из длинных досок, скрепленных болтами по углам. Свет резал глаза. Тебя я не видела. Осторожно повернула голову, осматриваясь. Во рту вкус рвоты. Сглотнула

слиюну. Горло болело и было пересохшим настолько, что стало никчемным.

Я опять закрыла глаза. Попыталась дышать глубже. Проверила: руки на месте, ноги, ступни. Пошевелила пальцами. Все работали. Пощупала живот. На мне была футболка, лифчик врезался в тело. Ноги голые, джинсы куда-то девались. Я нащупала край простыни, потом положила ладонь на бедро. Кожа была горячеей, ладонь почти сразу начала липнуть к ней. Часов на запястье не оказалось.

Я провела ладонью по трусам, потрогала тело через них. Не знаю, о чем я думала и чего ожидала. Может, найти засохшую кровь. Или рваную рану. Ощутить боль. Но нет, ничего подобного. Ты снимал с меня трусы? Входил в меня? И если да, зачем удосужился надеть их снова?

— Я тебя не насиловал.

Я вцепилась в простыню. Повернула голову. Попыталась отыскать тебя взглядом. Глаза по-прежнему отказывались работать как следует. Ты был где-то за мной, я определила это по звуку. И попыталась отодвинуться к краю кровати, подальше от тебя, но руки не слушались. Они задрожали, и я упала на постель лицом вниз. В ушах стучала кровь. Я словно слышала, как мое тело просыпается и оживает. Попробовала подать голос, получилось только захныкать в подушку. Я услышала, как ты сделал шаг.

— Твоя одежда возле кровати.

От твоего голоса я вздрогнула. Где ты? Как близко? Я приоткрыла глаза. Их почти перестало резать. Рядом с кроватью на деревянном стуле лежали аккуратно свернутые новые джинсы. Куртки на стуле не оказалось. Моей обуви тоже не было рядом. Вместо нее под стулом я увидела пару коричневых кожаных ботинок. Походных, на шнурах. Не моих.

Я слышала по шагам, что ты приближаешься. Попыталась свернуться в комочек, отпрянуть. Это далось мне тяжело. Тело было слишком медлительным. Но мозг работал, сердце колотилось. Я попала в плохое место. Это я отчетливо

понимала. Но не знала, как здесь очутилась. Не знала, что ты сделал со мной.

Половицы скрипнули еще пару раз, и страх, словно волна, пронзил меня от груди до горла. Я увидела светло-коричневые брюки карго. На уровне глаз находилась ткань брюк — от колен до промежности, — и я заметила несколько красноватых пятен на ней. Ты молчал. Я слышала, как учащается мое дыхание. Вцепилась в матрас. Заставила себя посмотреть выше. Пока не увидела твое лицо. На миг перехватило дыхание. Не знаю почему, но у меня оставалась надежда, что это не ты. Не хотелось, чтобы у человека, стоящего сейчас возле кровати, было то самое лицо, которое мне так понравилось в аэропорту. Но это был ты: голубые глаза, светлые волосы и шрамик. И ты уже не казался красивым. Просто злым.

Твое лицо было бесстрастным. Голубые глаза — ледяными. Губы — тонкими. Я натянула простыню выше, оставив на виду только глаза — наблюдала за тобой. Всё во мне заledenело. Ты стоял рядом в ожидании, когда же я заговорю, ждал вопросов. Но не дождался, поэтому начал сам.

— Это я привез тебя сюда, — сказал ты. — Тебя тошнит от препаратов. Некоторое время ты будешь чувствовать себя странно — одышка, головокружение, тошнота, галлюцинации...

Твое лицо завертелось у меня перед глазами. Я зажмурилась. Под веками вспыхивали крошечные искры, целая галактика маленьких вращающихся звезд. Я слышала, как ты подступаешь. Приближаешься. Попыталась заговорить.

— Зачем? — еле прошептала я.

— Пришлось.

Кровать скрипнула, матрас слегка приподнялся подо мной. Я отшатнулась. Попыталась скинуть ноги на пол, но они не слушались. Весь мир будто вращался вокруг меня. А я боялась соскользнуть в бездну. Свесив голову, я ждала, что вот-вот начнется приступ рвоты. Но он не начинался. Я крепко обхватила согнутые ноги. В груди защемило так, что слез было не сдержать.

— Где я?

Перед тем как ответить, ты выдержал паузу. Вдох и выдох. Поерзал на месте, шурша одеждой. Только тогда я поняла, что не слышу никаких звуков, кроме тех, которые исходят от тебя.

— Ты здесь. В безопасности.

Не знаю, сколько я проспала. Он был неясным, этот промежуток времени, как изошренный кошмар. Кажется, в какой-то момент ты принес мне еды и заставил попить. Но не мыл меня. Я точно знаю, потому что, когда снова проснулась, от меня воняло. Я вся была горячая и потная, футболка прилипла к телу. И хотелось в туалет.

Я лежала, прислушиваясь. Напрягала слух, чтобы хоть что-нибудь различить. Но было тихо. Зловеще тихо. Ни скрипа, ни твоих шаркающих шагов. И никаких признаков присутствия других людей. Ни шума транспорта. Ни отдаленного гула шоссе. Ни грохота поездов. Ничего. Только эта комната. И зной.

Я начала себя осматривать, осторожно подняла одну ногу, потом другую, пошевелила пальцами. На этот раз конечности уже не казались тяжелыми, я понемногу приходила в себя. Так тихо, как только могла, я приподнялась, огляделась. Тебя в комнате не было. Я одна. Двухспальная кровать, тумбочка возле нее, комод и стул с джинсами на нем. Вся мебель была деревянной, простой. Стены пустыми. Слева я увидела окно за тонкой занавеской. Снаружи ярко светило солнце. День. Жара. Прямо передо мной закрытая дверь.

Я выждала еще несколько минут, сосредоточилась на звуках. Потом с трудом повернулась. Голова закружилась, но я все-таки доползла до края. Вцепилась в матрас